

ЖУТКОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Постепенно мы обустроились в селе. У меня появились друзья. По вечерам мы собирались во дворе, обсуждали разные новости. Моему появлению ребята всегда радовались. Однажды мы, поджидая остальных из нашей компании, обратили внимание на невероятный закат. Все небо на западе, над пирамидальными тополями, было в рыже-серых тучах. Солнце, которое уже начинало садиться, было ярко-красного цвета и как луна без лучей.

Подошел кто-то из взрослых. И тут я услышала голос мамы. Она звала меня. Я повернулась, чтобы идти, и, продолжая смотреть на небо, с удивлением в голосе, громко произнесла:

— Почему голубое небо на востоке?

— Действительно, почему такого необычного цвета небо на западе, а на противоположной стороне голубое? — сказал кто-то из присутствующих и высказал предположение, что свет исходит со стороны Воронежа:

— Возможно, там что-то горит?

Я по лестнице, стоявшей возле нашего дома, стала быстро подниматься на крышу. За мной последовало несколько старших ребят. Мы, держась друг за

друга, поднялись на крышу, а потом стояли и молчали. Увиденное вызвало ужас и оцепенение.

— Что там такое? — спрашивали нас.

Мы хором ответили:

— Пожар! Огромный пожар! Воронеж горит!

— Не может быть, чтобы вот так! — слышались взволнованные голоса взрослых.

Ребята помогли мне влезть на толстые стены кирпичной трубы. Зрелище оттуда воспринималось еще более жутким. Высокой стеной, охватывая весь горизонт, все обозреваемое пространство, где был Воронеж, пылал невероятно яркий закат. Языки пламени лизали уже посеревшее небо. Глазам было больно смотреть на такой яркий свет. Цвет пламени переливался всеми оттенками от черно-красного до красно-золотистого. Периодически языки пламени столбами выплескивались из общей массы огня. Создавалось впечатление, что проснулся и извергается вулкан.

— Да что же там, говори? Почему молчишь? — услышала я как из далеко-далекого несколько женских и ребячьих голосов. Я не могла отвести взгляд от дальнего пожара, но почувствовала, что меня кто-то дергает за пальто. По-

смотрела вниз. Несколько пар глаз, моих новых друзей и взрослых, смотрели на меня.

— Там ужасный пожар! — произнесла я поникшим голосом. Мне помогли спуститься сначала с трубы, а потом и с крыши. Кто-то из старших ребят влез на трубу и стал громко комментировать увиденное. Взрослые молча смотрели, находясь в состоянии оцепенения. Когда ребята спустились, на крышу дома стали подниматься взрослые. Они смотрели, вздыхали и спускались, залезали другие. Они были удручены, расстроены, и эмоционально обсуждали увиденное:

— До горящего города десятки километров, а свет зарева достигает нас. Что там может так гореть и что может уцелеть после этого?

Отец не удержался от того, чтобы не побывать на крыше. Он подтвердил наше предположение. Все, кто здесь стоял, приуныли. А бабушка, когда ей сообщили, что город горит, даже заплакала.

Вечером мы, затаив дыхание, слушали разговоры наших летчиков и их друзей, находясь в кухне-столовой. Они говорили о горящем Сталинграде. Когда пришел отец, они перешли к нам, и разговор стал общим. Они вспоминали день 23 августа, когда город атаковало большое число немецких танков. Город подвергся также и сильной бомбардировке... От Сталинграда почти ничего не осталось...

Воронеж горел долгое время. Все вечера, после заката солнца, мы встречались на крыше и проводили оценку зарева. Было видно, что пожар не только распространяется, захватывая все новые и новые пространства города, но с каждым днем растет его интенсивность. Взрослые вечером подходили и спрашивали:

— Где горит? В какой стороне больше?

Мы отвечали, где появились новые языки пламени. Когда шел дождь, на крышу нам запрещалось влезать, да и толком что-либо разглядеть было трудно.

— Наш дом на окраине города, может, останется целым, — всякий раз успокаивающим себя голосом говорила бабушка.

ПРИКАЗ — НА ЗАПАД

Несколько дней спустя, кто-то из наших летчиков сказал, что их летная часть будет перебазирована на аэродром в только что освобожденной от врага области — на запад. С одной стороны, мы радовались, что враг отступал, а с другой — мы с грустью встретили эту новость. Мы привыкли к летчикам.

Накануне отъезда один из летчиков принес огромный тюк. Обращаясь к бабушке, сказал:

— Это парашют. Он из шелковой ткани. Сшейте себе кофточка, а этой... — он указал на меня, — ...артистке — платье. А так как метров здесь много, то поделитесь, с кем найдете нужным.

В первых числах февраля, перед их отъездом, у нас собралась большая компания, пели, танцевали, но во всем проskalывала грустинка. Сожалели, что нет отца, его «Троек» и всеми любимой «Бани» М. Зоценко. В течение вечера несколько раз заходил разговор о том, что в ближайшее время военные будут носить погоны и вводится такое понятие, как офицер и солдат. Бабушка эти нововведения приветствовала.

На следующий день наши квартиранты поднялись рано утром и, уходя на аэродром, сказали:

— Мы специально оставляем свои вещи и вернемся за ними в середине дня, чтобы еще раз повидаться со всеми.

Они ушли. Время быстро пролетело. Когда в дверь постучали, а потом она открылась, на пороге стояли наши и несколько хорошо знакомых нам офицеров. Они выразили сожаление, что отец так и не приехал и они не смогут с ним попрощаться. Мне и Олегу дали по шоколадке. Маме пожали руку, бабушку обняли. Она перекрестила каждого. Потом они взяли свои чемоданы и ушли.

В небо, как я помню, самолеты взмывали по одному. Затем все тройками сде-

дали круг над усадьбой совхоза и улета-ли курсом на запад. Мы стояли, наблю-дали за их полетом и махали вслед ру-кой, пока они все не скрылись в голу-бой дали.

Они улетели, а в центре сквера оста-лась братская могила, где были похоро-нены погибшие в боях за наш край. Веч-ная им память.

А подарок-парашют, по обоюдному согласию с мамой, бабушка отдала на-шей соседке. Она хорошо шила. К ней часто обращались женщины с просьбой им помочь в этом деле. Передавая его, она сказала и о пожелании офицера.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Отец вернулся из командировки при-близительно в середине февраля. Выг-лядел очень уставшим и подавленным. На стол поставил рюкзак с продуктами, где была и квадратная банка с амери-канской колбасой. На пол положил мешок, большой и не очень тяжелый.

После этого молча раздевался, умы-вался и завтракал. Затем сообщил, что его назначили главным агрономом тре-ста зерновых культур Воронежской об-ласти и что для нашей семьи уже поды-скивают квартиру. Без малейшего пере-рыва и на одном дыхании произнес, что в составе группы представителей горо-да Воронежа несколько дней провел в Сталинграде. Потом развязал мешок, который принес, и оттуда вытащил два соломенных сапога. Мы с любопыт-ством стали их разглядывать.

— А что с нашим домом? — спроси-ла бабушка.

— Воронеж в руинах, все запороше-но снегом, много заминированных улиц, от мин освобождают центр горо-да. На обкомовской площади я застал две виселицы с качающимися веревка-ми от ветра. Трупов я не видел, их уже сняли и захоронили. Много убитых в Петровском сквере. В сквере Кольцова немецкое кладбище с березовыми крес-тами. Немцы, убегая, сжигают села, стоят только трубы, жители живут в погребках и землянках.

И обратившись опять к соломенным сапогам, сказал подавленным, не при-сущим ему голосом:

— Немцы спасались в них от наших русских морозов.

А потом все рассказывал и рассказы-вал о том, что видел в Сталинграде. На долю отца выпало видеть не только ру-ины в прошлом зеленого и красивого города, но и огромное количество тру-пов убитых и замерзших. Он побывал в штольне — командном пункте команду-ющего генерала Еременко и командар-ма Чуйкова. В подвале универмага на площади Павших борцов — командном пункте фельдмаршала Паулюса. Пред-ставитель города, сопровождавший их, рассказывал о самом трагичном дне Ста-линграда — 23 августа 1942 года, когда город горел, как факел.

Бабушка несколько раз его рассказ прерывала словами:

— А что же с нашим домом, Воронеж тоже горел!

А он все рассказывал об ужасах, уви-денных им в Сталинграде, и отвечал на вопросы присутствующих.

— Ну, а как наш дом? — спросила бабушка в очередной раз, уже с раздра-жением. — Почему не рассказываешь?

Вопросы присутствующих перешли на тему о Воронеже. Отец еще более по-мрачнел. Нехотя, как бы выдавливая из себя слова, произнес:

— Нашего дома я не видел. Там я был два раза... Первый раз показалось, что дом цел, но сильно занесен снегом. Вто-рой раз, когда был у школы №29 и от-туда разглядывал, то понял, что дома нет... Да, дома нашего больше нет, ле-жит груды разбитого кирпича, запоро-шенного снегом.

— Как нет дома?! — воскликнула бабушка. — Ведь ключи у меня в кар-мане!

Она приподнялась, вытащила их из кармана, потом села. Какое-то время, продолжая сидеть, она держала их на весу перед нами. Потом поднялась и ста-ла ходить, разговаривая сама с собой. В ее голосе звучал трагизм и безнадеж-ность:

— Не может быть, что дома нет. Ключи ведь у меня. Не может быть такого! — Но, потеряв всякое присущее ей самообладание, разрыдалась: — Где же теперь мы жить будем?..

Смотреть на нашу бабушку, всегда и при любых обстоятельствах умевшую себя держать в руках, теперь было страшно и больно. Родители молчали. А она отказывалась принимать за действительность слова, сказанные отцом.

Всю эту ночь она проплакала. Мы с мамой держались, старались не плакать. На следующий день она отказалась завтракать. Ночью опять плакала и плакала. Утром следующего дня сказала:

— Это так случилось все потому, что я уехала из своего дома. Надо было оставаться...

А днем мы получили от Андрея письмо. Он писал, что награжден орденом «Красной Звезды» (приказом от 14.1.43 г.).

Отец радостно сказал:

— Молодец.

А лицо его оставалось грустным. Утром следующего дня он уехал.

На карте, которая висела на стене, красным кружком были отмечены три города — Воронеж, Сталинград, Ленинград.

ВСТРЕЧА С РАЗРУШЕННЫМ ГОРОДОМ

Состав остановился на первом пути на железнодорожной станции Воронеж. Двери теплушки открылись. Все помогали друг другу выйти из вагона и снять вещи на перрон. Мы с мамой спустились сами. Вещи нам подал Паша и сказал:

— Спасибо за валенки. Они теплые.

Перрон, освещенный несколькими, далеко расположенными друг от друга лампочками без плафонов, быстро заполнялся приехавшими. Спустившись, люди потом стояли, продуваемые холодным ветром, и смотрели по сторонам. На всем обозреваемом пространстве зданий не было видно. Лежали бугры разной

конфигурации, припорошенные снегом. Мы, в общем потоке по узкой полоске перрона, отправились в сторону предполагаемого вокзала, к уличному фонарю. В этом месте тропинка раздвигалась. Одна развилка уходила к привокзальной площади, которая была занята встречающими. Надо думать, что люди пришли с надеждой встретить кого-нибудь своих. Я поворачивала голову и пыталась найти здание вокзала. На столбе, у которого мы остановились, висел лист фанеры. Крупными буквами на нем было написано: «Зал ожидания». Стрелка, нарисованная внизу, указывала в сторону Курского вокзала, где виднелся длинный барак, а на его стене такая же табличка. На столбе, кроме этого, я обнаружила массу наклеенных кусочков бумаги различной величины. Из-за слабого освещения, прочитать, что там написано, было невозможно. Вдруг я услышала:

— Маня!

Старуха с козой, она шла впереди нас, остановилась. К ней подбежала женщина в черной фуфайке и платке на голове. Обнялись и заплакали.

— Как там мои? — спросил наш попутчик. Обе женщины засуетились. Его они как бы не слышали и не замечали.

В это время маму окликнули. Из группы встречающих к нам подошел наш шофер. Он взял вещи, и мы направились по узкому проходу на привокзальную площадь. Я продолжала смотреть на наших попутчиков, которые торпливо ушли в сторону улицы Ленина.

— Наверное, семья и дом этого молодого человека погибли. Вот почему женщина на его вопрос о его семье, промолчала. Она не хотела первой сообщать ему плохую новость, — сказала мама.

Привокзальная площадь освещалась несколькими лампочками без плафонов и выглядела маленькой. Зданий, которые окружали ее раньше, не было. На их месте виднелись разной величины бугры, припорошенные снегом. Пока мы шли к машине, а потом и сидели в нее, я спросила у шофера о листочках

бумаги, наклеенных на столбе. Шофер объяснил мне так:

— Это справочное бюро. Живущие здесь и приехавшие оповещают о своем месте жительства.

Мы ехали медленно по трамвайному пути и смотрели по сторонам, но было темно и не видно, что делается вокруг. На протяжении всего пути следования то мы, то нам уступали дорогу машины и люди. Водитель сказал:

— Проезжая часть улицы очень узкая. Расчищают трамвайный путь. По обе стороны дороги, по которой мы едем, лежат кирпичные конгломераты и щебень. Днем вы их увидите.

У здания мединститута мы уступили дорогу встречной машине, которая осветила два сохранившихся памятника, стоявших у его главного входа. У кадетского плаца дорогу нам уступила женщина, спешившая в сторону вокзала. Когда фары нашей машины осветили Петровский сквер, водитель сказал:

— Памятника Петру нет. Немцы его увезли. Остался только якорь.

Проезжая часть проспекта Революции тоже была очень узкой. Ее освещал свет фар нашей машины, выхватывая из темноты груды камней, покрывающих собой весь тротуар с обеих сторон. Фигурки прохожих останавливались, давая возможность нам проехать. Около Дома Красной Армии, кроме крупных обломков разрушенных зданий, были деревья, обгоревшие и искореженные, но еще стоявшие, и кучи собранных. Наконец, машина обогнула Кольцовский сквер, потом повернула на улицу Плехановскую, потом еще один поворот. Свет фар осветил небольшой целехонький двухэтажный домик, а за ним два дома барачного типа.

— Приехали, — возвестил шофер.

Мы вышли. Наша квартира находилась в одном из этих бараков. Во дворе такое же здание (теперь на их месте находится детская музыкальная школа). У хозяйки квартира из двух комнат. Нам она сдала дальнюю, сама с сыном моих лет разместились в проходной комнате. В нашей комнате уже стоял стол и

две железные кровати с матрасами, битыми соломой. На столе лежали продуктовые карточки и журнал «Огонек». Мы выпили по стакану горячей воды и легли спать. Спали как убитые.

Утром хозяйка вводила нас в курс городских порядков. Она поведала, что согласно требованиям, предъявляемым к прибывшим в город, нам необходимо пройти санобработку в бане, расположенной на Кольцовской улице. Там, после того как мы искупаемся, а вещи пройдут санитарную обработку, нам выдадут талон, на основании которого, мы будем поставлены на учет, получим продуктовые и хлебные карточки.

Мама поблагодарила ее за информацию, после чего мы взяли нужные вещи и отправились в баню. Вышли на улицу. Перед глазами развернулась ужасающая картина. От дома на улице Никитинской, где нам предстояло жить, до улицы Фридриха Энгельса, где был базар, весь этот квартал представлял бугры разной величины, хорошо припорошенные снегом. Стояло несколько развалин частных домов, с уцелевшими печками, и огромные кучи щебня под снегом. Мало пострадал двухэтажный дом около наших бараков. В нем потом долгие годы была детская больница. Уцелел красный магазин. Его сохранившиеся стены с черными языками копоти от пожара испещрены выщерблинами от осколков. Стоит краеведческий музей. Во дворе много соломы и навоза. В нем была конюшня. В здание входить не стали. Смириться с увиденным было трудно. Минувшая развалины, мы быстро дошли до старой городской бани, которая не одно десятилетие простояла на углу Плехановской и Кольцовской. От нее и дальше во все стороны — вплоть до площади «Застава», до парка «Живых и мертвых», до вокзала Воронеж-1 — виднелись развалины с уцелевшими трубами. Все было основательно припорошено снегом. Когда он стал таять, несколькими днями позже, все увиденное выглядело еще ужаснее.

ГОРОД В МАРТЕ 1943-го

После приезда в домашних хлопотах прошло два дня. К тому времени, со слов папы, был разминирован только центр города. Поэтому осмотр его мы начали с главной площади города, а потом шли по пустынным улицам, где это было возможно, и смотрели по сторонам. Я не представляла и не готова была к тому, что увидела в течение того дня.

На площади 20-летия Октября (с 1956 года площадь носит имя Ленина) от зданий областной библиотеки и обкома партии остались только стены с языками копоти и груды щебня перед ними, припорошенная снегом. На самой площади мы обошли несколько воронок. Памятник Ленину стоял на прежнем месте.

В сквере Кольцова было много пенечков срубленных деревьев. Стояло много березовых крестов и два чугунных. Фонтан сохранился, большая часть фигур детей пострадала. Памятник поэту Никитину уцелел. От гостиницы «Воронеж» остались только закопченные стены. Через глазницы окон «Утюжка» было видно, что внутренних стен и перекрытий нет. Они сгорели. У драматического театра юго-западная стена и угол отсутствовали. Пострадало здание Государственного банка.

Мы шли по проезжей части проспекта, уступая проезжавшим машинам, и глядели по сторонам. Не было видно ни одной сохранившейся крыши. Мы видели только коробки зданий с широкими языками копоти на них и выбоинами от артобстрелов. Та же участь постигла и старинные здания, которые всегда украшали проспект Революции.

На всем обозреваемом пространстве здесь уже шли работы по расчистке проезжей части. Она была узкой и извилистой от конгломератов кирпичей, разрушенных зданий и большого количества щебня. Машины на ней в некоторых местах развезжались с трудом.

Относительно сохранившейся выгладела гостиница «Бристоль». На ее первом этаже рабочие уже вставляли окон-

ные рамы. Потом там долго существовала почта. Здание Дома пионеров в развалинах. В прошлом красивая площадь перед ним вся в воронках от разрывов бомб. Лестница Помяловского спуска к реке разворочена и без ступенек. Вдоль всей улицы стояли искалеченные деревья. Когда потеплело, их выкопали и вывезли. На тех местах потом были высажены новые.

У телеграфа, тоже пострадавшего, лежала огромная куча щебня, битого стекла и куски кирпича с цементным раствором. Около нее стояли две грузовые машины. Тротуар, очищенный в этом месте, был весь в выбоинах. Женщины лопатами бросали строительный мусор в кузова этих машин, куча на глазах уменьшалась. Одноэтажный дом с колоннами перед главным входом (до революции в нем проводились Семейные собрания) сгорел изнутри. Цел, но очень пострадал дом со львами и угловой дом губернатора (пр. Революции и ул. Чайковского). У здания Юго-Восточной железной дороги от артобстрелов и бомбежек разрушено более половины стен, а те, которые целы, в языках копоти.

В Петровском сквере много пенечков и покалеченных деревьев, но целы кусты желтой акации, обрамляющие сад. Чугунные ворота Первомайского сквера сорваны с петьель. От музея изобразительных искусств остались стены с широкими черными языками копоти на них. Целым было здание технологического института. Красный дом по улице Степана Разина с подворотней и двумя каменными флигелями во дворе пострадал мало. Сохранилось здание на углу проспекта Революции и улицы Кольцовской, где теперь гарнизон. Какое-то время там был кинотеатр. Уцелело здание XIX века с красивым фасадом через дорогу от него.

От элеватора осталась только коробка. Здания вокзала Воронеж-1 практически не было. На его месте лежали конгломераты из кирпичей, припорошенные снегом. А вот привокзальная площадь за эти три дня, как мы приехали,

заметно увеличилась. Шли работы и в тот день, когда мы там были. Все службы вокзала размещались в двух небольших уцелевших бараках, расположенных ближе к Курскому вокзалу. В одном из них были железнодорожные кассы, в другом — зал ожидания. Мы вошли туда. У касс огромные очереди. В зале ожидания много людей. Здесь приехавшие вечером ночевали. Утром они уходили в город на поиски своих родных и знакомых. Ночевали и те, кто ждал поезда и ехал дальше. Касса для военных была с отдельным входом. Туда мы не заходили.

По трамвайным путям, которые расчищали женщины, мы пошли дальше. Разбирались и завалы по пути трамвайной линии от железнодорожного вокзала к мединституту и проспекту Революции. У основного корпуса медицинского института часть здания, обращенная в сторону вокзала, отсутствовала. Оба памятника, нашим вождям, стояли на своих местах. Один из них пострадал. Левая часть головы памятника Сталину отсутствовала. Ее прикрывал небольшой ящик из узких дощечек, сверху покрытый снегом. Издали создавалось впечатление, что на голове большой берет, который спускается до плеча. Так он простоял очень долго.

Мы побывали на нескольких улицах, идущих параллельно центральной. Ни одной сохранившей свою былую красоту не нашли. Стояли кирпичные коробки с языками копоти и горами битого кирпича, щебня и битого стекла перед ними. Деревянных домов не было видно. Они все сгорели. На их месте стояли остовы печек. И все было прикрыто снегом.

От необыкновенно красивого города ничего не осталось. Все увиденное произвело тяжелое впечатление. Центр города как таковой был уничтожен. Следы огромных разрушений и пожаров видны повсюду. Мама сказала:

— Это, наверное, следы того пожара, который мы видели в сентябре 1942 года с крыши дома.

Вернувшиеся жители ютились в уцелевших подвалах разбитых домов, стоявших без крыш, в землянках. Обустроивали траншеи, вырытые в 1941 году. Окна более-менее уцелевших домов забивали фанерой, досками или мешками с соломой. Оттуда торчали трубы печек-буржук. Они на базаре долгое время оставались дефицитным товаром.

Наш поход в тот день завершился, когда стали встречаться таблички с надписями: «Осторожно: мины». Это было на спуске к дедушкиному дому. Несколько предупредительных надписей «Мины», написанных масляной краской на фанерных дощечках и установленных вдоль тропинки, заставили нас вернуться.

С высоты железнодорожной насыпи мы увидели, что через реку Воронеж установили понтонный мост. А Чернавский мост представлял собой развалины, искореженные конструкции его висели над водой или торчали из реки.

Встретили нескольких знакомых, недавно вернувшихся в город. И друг другу задавали один и тот же вопрос:

— Все ли живы? Цел ли дом?

Ответы и реакция на них была разной. Отвечала мама. Я отходила в сторону или молчала. Каждый раз мне хотелось плакать. Я после этого похода заикаться стала сильнее.

— А как выглядит наш дом? — подумала я. Задать этот вопрос маме боялась. Вечером отцу, вернувшемуся со службы, мы рассказали в два голоса о том, где были и кого встретили.

— Да, город практически полностью разрушен, нет зданий, которые не пострадали бы, — выслушав нас, сказал он.

— А от нашего дома хоть трубы остались? — неожиданно спросила мама каким-то странным голосом.

— Нет, — коротко ответил он.

ШКОЛА № 9

Через несколько дней после нашего приезда я отправилась в женскую школу № 9. Она располагалась на одном этаже здания, на другом — мужская № 35.

Стена, обращенная к кладбищу (теперь на том месте телецентр), была разворочена снарядом. Огромная дыра входной двери была забита двумя кусками фанеры. Проемы окон заложены кирпичами. В классе все время горели электрические лампочки, стояла печь, здесь же лежали дрова. Печи топили и днем, и ночью. Когда я вошла в класс, там было тепло.

В коридорах школы с каждым днем увеличивалось количество учениц. Быстро пополнялся и наш класс. В нем собрались девочки разных возрастов. Все с вниманием отнеслись к тому, что я медленно говорю и отдельные слова произношу порой по слогам. Заикалась я долго, но постоянно работала над исправлением недуга.

Все вновь пришедшие девочки на большой перемене в школьной библиотеке получили книги и по несколько тетрадей. Я взяла только тетради. Книги по всем предметам у меня были. Наша учительница всех опросила, кто был в эвакуации и где теперь живут семьи, вернувшись. Ответы уточнялись у родителей, после чего заносились ею в классный журнал.

На первых уроках по всем предметам учителя уточняли, что мы знаем. Если на уроках русского языка и арифметики мы, стараясь, что-то вспоминали и, соответственно, отвечали, то чистописание... Все разучились писать. Но мы охотно помогали друг другу. Отметок нам не выставляли, но похвалили всех. Через несколько весенних каникулярных дней мы сели опять за парты. В конце марта число горожан, вернувшихся в город, резко возросло. Пополнился и наш класс. Одна из вновь пришедших девочек, войдя в класс, сразу подседа ко мне. Мы с ней подружались. Ее звали Эмма.

Люди возвращались в город, и если их жилье было разбито, они занимали первый попавшийся подвал или развалины дома и указывали свой новый адрес. Кто занимал первым эту площадь, тот и становился ее хозяином. Потом,

когда они начинали строиться, им по лимиту выделяли стройматериалы.

Чуть позже в уличных колонках появилась вода. Потом зазвенели трамваи, где были расчищены трамвайные пути. Жизнь налаживается, говорили горожане. На стенах в подворотнях увеличилось число листочков, например: «Мама, я теперь живу у тети Сани. 8.3.1943 г. Маша».

В это время папа привез Олега к нам. Бабушка еще оставалась в совхозе. В поисках дедушки на стене железнодорожного вокзала и на стене подворотни Кольцовской бани мы тоже оставили свою записку: «Дедушка Ваня, мы живем в бараке по улице Никитинской, напротив базара. Виктор, Петя, Нина».

Потом, посещая баню, мы, прежде всего, подходили к нашему листочку.

В ПОИСКАХ ДЕДУШКИ

В одно из воскресений мы отправились с мамой вновь к дедушкиному дому. Снег растаял, видны были тропинки, на их обочине теперь стояли дощечки со словами, написанными масляной краской: «Мин нет». Внизу указана фамилия минера, разминировавшего эту территорию.

Без особых приключений мы спустились с железнодорожной насыпи к улице Луначарского. Мама шла по тропинке, я сбоку, где еще виднелась прошлогодняя трава. Все дома на улице и четвертый дом от угла — дедушкин, целы. Стекла во всех рамах окон целы. Калитка висела на одной петле и болталась от резких порывов ветра. Из трубы флигеля, деревянного и не пострадавшего, змейкой вился дым.

Мы вошли во двор. Уличная дверь дома открыта настежь. В сенцах лежали дрова и поломанная мебель. Из открытой двери дома пахло... лошадиным потом. Мы обошли все комнаты. В одной из них сложено много сена, в двух других на полу солома и сено перемешены с конским навозом, несколько опрокинутых ведер. На дне бадьи было немного воды. Здесь же валялась по-

рванная уздечка. В спальне в шкафу мужская чужая одежда, на кровати разбросаны носильные вещи.

В библиотеке на полках ничего не было. На полу вместе с грязным нижним мужским бельем валялось несколько номеров немецких газет и фотографии. Я подняла одну из них и хотела взять с собой, но мама мне не велела это делать. На диване лежали тоже какие-то вещи. Письменный стол был заставлен кастрюлями, грязной посудой, пустыми бутылками, металлическими банками различной величины и формы. На подоконнике стояла десятилитровая бутылка с вишнями на дне. Дедушка ежегодно делал наливку из вишен. В кухне, у печки, лежали книги из его библиотеки и дрова, много грязной и битой посуды на полу. Серебряных ложек и подстаканника дедушкиного не было видно.

Соседка на наши расспросы сообщила, что немцы в августе 1942 года жителей их улицы выгнали из домов и погнали куда-то в сторону проспекта Революции. Ей удалось спастись, спрятавшись в погреб. Из ее рассказов, следовало, что дедушка и его вторая семья, возможно, погибли. Мы возвращались по улице вдоль домов, фасадом выходивших на железнодорожное полотно. Мама сказала:

— Ты представь, здесь шел дедушка. Немцы гнали людей, как стадо. Сколько горя свалилось на них. Давай свернем отсюда.

Короткими улочками мы добрались до Девичьего базара. Потом шли по улице Сакко и Ванцетти, мимо улицы Дурова. На одной из этих улочек сохранилась маленькая баня. Из ее трубы шел дым. Стояла Введенская церковь. У серого дома, на углу улиц Сакко и Ванцетти и Больничного переуллка, мы невольно остановились. Через проем двери, выходившей на улицу, был виден развороченный снарядам угол. На диване, стоявшем в том углу комнаты, под обломками лежал труп врага в офицерской шинели. Оттуда попахивало тленом. Мы поспешно ушли.

Недолго постояли на Манежной площади, вспоминая, как 19 июня 1942 года уезжали из Воронежа в эвакуацию. Оставшуюся часть дороги до квартиры, мы молчали.

ПЕСЧАНЫЙ ЛОГ

Неделю спустя отец сообщил, что за городом, в Песчаном Логу, начали раскапывать захоронение. О его находении сообщила женщина, каким-то чудом оставшаяся в живых. Немецкая пуля ее только ранила. Она рассказала, что фашисты туда свозили раненых из госпиталей, а также стариков и детей со всего города. И всех уничтожили.

В Песчаный Лог потянулись горожане в поисках своих родных, отказавшихся уезжать и оставшихся на насиженных местах. Те, кто уже был там, рассказывали, что узнать родного человека возможно, но чаще по одежде. Отправились и мы с папой, искать дедушку. Мама ехать с нами отказалась.

Была вторая половина дня. Уже ближе к Логу, по пути следования в ту и другую сторону, шли люди, одетые в черное. На лицах озабоченность и сосредоточенность. По этой веренице и угадывался путь. По мере приближения к Логу в воздухе появился дурманящий запах тлена. Когда приехали на место, машину оставили с шофером, а сами отправились к логу, где часть захоронений была уже раскопана.

Издали было видно, что по сторонам оврага небольшими группами лежат трупы, а люди поочередно их обходят. Сначала долго стоят, наклоняются, поворачивают трупы, а потом медленно идут дальше. Мы с папой и двумя женщинами подошли к близлежащей группе из пяти трупов. Одним из них был подросток. Перед глазами предстала ужасающая картина. У всех черты лица были изменены тлением. Я не совсем осознавала того, что видела. Мы, глядясь, искали знакомые черты. Я искала дедушку. На голове у всех скатавшиеся волосы. На ногах только носки. Одежда — пальто, брюки, платья, коф-

ты, — все со следами запекшейся на ней крови, своей и чужой. Женщины долго разглядывали одежду подростка, поворачивали его, потом положили на спину и отошли.

В какой-то момент меня стала колотить дрожь и затряслись руки. Тленный запах усиливал это состояние. Видеть молодую женщину, подростка, ребенка, старика и не жалеть их, не сопереживать тем, кто потерял родного человека, было невозможно. Мы обошли все трупы, извлеченные к тому времени. Среди них было трое детей. Я заплакала. При нас труп мальчика двенадцати лет родственники с трудом опознали, переложили на синее пикейное одеяло и забрали с собой. Я все время боялась обнаружить дедушку, но его тут не было. На душе стало легче.

После осмотра все шли к зарослям прошлогоднего бурьяна, где еще сохранились небольшие участки снега. Им терли руки. Вымыли руки и мы, после чего покинули лог.

Шофер задал папе несколько вопросов по поводу того, что мы видели, но получил односложный ответ:

— Бессмысленная смерть. Всех жаль.

Всю дорогу до дома мы молчали. Меня преследовал запах.

Прежде чем войти в квартиру, верхнюю одежду мы встряхнули на улице, стараясь избавиться ее от запаха, и оставили в сенцах. Когда вошли в комнату, мама стояла, опираясь о стол, и со страхом смотрела на нас. Было видно, что она боится услышать плохое. Папа, закрывая за нами дверь, сказал ей:

— Отца там нет.

В результате этого посещения я стала сильнее заикаться, одна боялась находиться в темной комнате. Лог преследовал меня во сне. Я видела на снегу трупы и склонившиеся над ними фигурки плачущих людей. Я кричала, мама будила меня. Запах тления еще долго преследовал меня. Отец потом сожалел, что меня взял с собой.

Работы в Песчаном Логу вскоре, из-за установившейся жаркой погоды, были прекращены до осени. В октябре

1943 года местные газеты напишут, что в августе 1942 года в Песчаном Логу немцы расстреляли 422 горожанина, в том числе 35 детей.

9 МАЯ 1945 ГОДА — ДЕНЬ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Нас разбудил шум в стороне Раевских казарм. В открытые форточки окон донеслась внезапно возникшая оружейная стрельба и хор молодых мужских голосов, кричавших:

— Ура! Ура! Победа!

На часах было 4 часа утра. Первой на улицу выбежала хозяйка, за ней, одеваясь на ходу, отец. Вскоре папа вернулся и с порога крикнул:

— Война кончилась! Слава Богу, Андрей жив!

Мы оделись. Потом долго стояли на крыльце дома и радостно взирали на окружающее нас. Все окна Раевских казарм были открыты настежь. Оттуда выглядывали солдаты в белых рубашках с длинными рукавами. Кто-то из них размахивал руками, кто-то стрелял из табельного оружия и все хором кричали:

— Ура! Ура! Победа! Война кончилась! Германия подписала акт о своей капитуляции!

В 9 часов утра Юрий Левитан еще раз повторил сообщение о капитуляции Германии.

Весь день по радио передавали танцевальную музыку, марши, песни военных лет в исполнении любимых певцов.

Несмотря на то, что день был пасмурным и временами накрапывал мелкий дождик, уже к 11 часам дня принаряженные горожане заполнили все тротуары проспекта Революции. У некоторых дам в руках были цветные зонтики от дождя. Это было тогда большой редкостью и неожиданностью, что могут быть и такие зонтики. Весь день на проспекте был праздник. Из окон домов на полную мощь звучали патефоны и радиоприемники. Праздничная музыка сопровождала перезвону наград на груди военных. Многие из них музици-

ровали на своих красивых аккордеонах. Тут же кто-нибудь исполнял любимую песню или танцевал.

Горожане поздравляли друг друга с Победой. Женщины обнимали всех подряд встречающихся военных. У многих на глазах были слезы. При встрече все обнимались и в первую очередь спрашивали:

— Все живы? Цел дом?

При любых ответах реакцией зачастую были слезы. Одни плакали от того, что потеряли близких, а другие — что, много пережив, остались живы. Празднество растянулось от театра имени Кольцова до Первомайского сквера. Мы встретили большинство своих знакомых, старых воронежцев. Отец с нами был недолго, сказав к которому часу придет, ушел. Уже когда мы с мамой собрались возвращаться домой, к нам присоединилась бабушка Нина. Гуляющие стали расходиться, как я помню, поздно. Медь духовых оркестров гремела далеко за полночь.

Праздничный стол сервировали мама вместе с хозяйкой. Я помогала. Мы расставили красивые тарелки и вазы, рюмки, разложили вилки с ножами и салфетки из ткани. Когда отец пришел, стол был уже накрыт. Можно было садиться. По радио звучала веселая музыка. Какое-то время мы ждали прихода Геннадия с семьей, но они не пришли. За столом разговор шел на разные темы. Все было праздничным — и настроение, и вкусные блюда на столе. Родители вспоминали, как некоторые женщины, особенно пожилые, трогательно обнимали и целовали военных. Те стоически

все это переносили, понимая, что люди видят в них не вернувшихся с фронта сыновей, мужей.

Вечером во дворе Раевских казарм военными был устроен фейерверк. Они стреляли долго. В небо взлетали гроздыя светящихся ракет. Зрелище было красивым.

— Война кончилась! — кричали все хором.

Потом майские газеты сообщили, что 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоится Парад в честь Победы над фашистской Германией.

А чуть позже мы узнали, что в списках представителей от Воронежской области, уезжающих в Москву на Парад, есть и фамилия отца. Для него это была первая поездка в Москву после войны. Бабушка на это сообщение отреагировала так:

— Расходы не запланированные, но надо срочно купить костюм и обувь.

В ближайшее воскресенье родители отправились на базар-толкучку у «Заставы». Папе купили костюм, рубашку, галстук, ботинки. Когда он все это надел, все радовались вместе с ним. Мы давно не видели папу таким элегантным.

Делегация от Воронежской области уехала в Москву за несколько дней до торжества. Из поездки отец вернулся в приподнятом настроении. К нам приходили родственники, знакомые, соседи, и всем он охотно рассказывал об увиденном им и пережитом, чему был свидетелем.